

**ПЕРСПЕКТИВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ В ГРАНИЦАХ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ**

© Головина Светлана Георгиевна,

© Кузнецова Альфия Рашитовна,

ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет»,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

© Головин Кирилл Игоревич

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет
имени Г. И. Носова»
г. Магнитогорск, Российская Федерация

Аннотация. В статье изложены некоторые результаты научного исследования, посвящённого возможностям инкорпорации концепции социальной экономики в отечественную сельскую среду. Актуальность исследования обоснована тем, что в условиях вызовов и угроз биологического, климатического, геополитического и иного характера, имеющих место в настоящее время, расширяется спектр социальных и экологических задач, подлежащих решению в границах сельских территорий наряду с сугубо экономическими проблемами и сложностями. К основным аспектам, подлежащим изучению, отнесены, во-первых, возможности социальной экономики предоставить местным сообществам институциональные инструменты для оптимального использования своих активов и ресурсов, во-вторых, миссия и роль организаций социальной экономики, выполняемые ими непосредственно в сельском пространстве, в-третьих, возможные формы организации деятельности социальных предприятий на селе с учётом опыта их функционирования в тех или иных странах мира. Как итог, научному сообществу для обсуждения и оценки значимости предложен ряд важных выводов. Первый из них касается возможностей социальных предприятий замещать государство в выполнении ряда важных социальных и экологических функций, что имеет значение в эпоху значимых флуктуаций среды. Второй верифицирован в ходе тестирования гипотезы о соответствии организационной формы социальных предприятий определённым социально-экономическим и институциональным условиям и заключается в том, что импортированные модели социальных предприятий могут быть эффективными лишь при их органичной встроенности в местный контекст. Не менее важны результаты, связанные с оценкой роли

Для цитирования: Головина С.Г., Кузнецова А.Р., Головин К.И. Перспективы функционирования социальных предприятий в границах сельских территорий // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. №1. С. 70-95. DOI 10.47309/2713-2358-2024-1-70-95.

социальных предприятий в поддержке сельского развития и, особенно, в расширении возможностей использования для этого местного потенциала. К важному научному обобщению, полученному в процессе исследовательской работы, следует отнести и утверждение о том, что социальные предприятия, осуществляющие деятельность на селе в различных их формах (от самых простых до сложных), имеют право на существование благодаря своей адаптивности к проблемам сельского населения, гибкости в организационном устройстве, согласованности с целями устойчивого развития. Следствием полученных заключений является необходимость создания условий (социально-экономических, институциональных, культурных) для развития на селе современных форм социальных предприятий, в том числе кооперативов, как наиболее ярких их представителей, продемонстрировавших высокую результативность в поставке социальных услуг и выполнении экосистемных функций в экстремальных для сельских территорий условиях. Научная достоверность сформулированных выводов обусловлена адекватностью применяемой методологии (современная теория социальной экономики), широтой охвата изучаемых практик и мирового опыта (примеры развития социальных предприятий в Российской Федерации, в странах Европы, Азии, Африки), новизной исследовательских методов (ретроспективный, компаративный, дискурсивный, компонентный).

Ключевые слова: сельские территории, социальная экономика, угрозы и вызовы, социальные предприятия, организационные модели, социальные и экосистемные услуги.

PROSPECTS FOR SOCIAL ENTERPRISES FUNCTIONING WITHIN RURAL TERRITORIES

© **Golovina Svetlana Georgievna,**

© **Kuznetsova Alfiya Rashitovna,**

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University", Ekaterinburg, Russian Federation

© **Golovin Kirill Igorevich**

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Magnitogorsk State Technical University" named after G.I. Nosov", Magnitogorsk, Russian Federation

Summary. The article presents some results of scientific research on the possibilities of incorporating the concept of social economy into the domestic rural environment. The relevance of the study is justified by the fact that in the context of currently occurring challenges and threats of a biological, climatic, geopolitical and other nature, the range of social and environmental problems that need to be solved within the boundaries of rural areas is expanding, along with economic problems and difficulties. The main aspects to be studied include, firstly, the ability of the social

economy to provide local communities with institutional tools for the optimal use of their assets and resources, and, secondly, the mission and role of social economy organizations performed by them in rural space, thirdly, possible forms of organizing the activities of social enterprises in rural areas, taking into account the experience of their functioning in certain countries of the world. As a result, a number of important conclusions were offered to the scientific community for discussion and assessment of significance. The first of these concerns the ability of social enterprises to replace the state in performing a number of important social and environmental functions, which is important in an era of significant environmental fluctuations. The second was verified by testing the hypothesis about the compliance of the organizational form of social enterprises with certain socio-economic and institutional conditions and lies in the fact that imported models of social enterprises can only be effective if they are organically integrated into the local context. Equally important are the results related to the assessment of social enterprises role in rural development supporting and, especially, in empowering vulnerable groups of people who often have limited resources at their disposal. An important scientific generalization obtained in the process of research work includes the statement that social enterprises operating in rural areas in various forms (from the simplest to the most complex) have the right to exist due to their adaptability to the problems of the rural population, flexibility in the organizational structure, consistency with sustainable development goals. The significance of the obtained conclusions is the need to create conditions (socio-economic, institutional, cultural) for the development in rural areas of social enterprises modern forms, including cooperatives, as their most prominent representatives, which have demonstrated high performance in the delivery of social services and the performance of ecosystem functions in extreme conditions. The scientific reliability of the formulated conclusions is due to the adequacy of the methodology used (modern theory of social economics), the breadth of coverage of the studied practices and world experience (examples from the development of social enterprises in Russian Federation, Europe, Asia, Africa), the novelty of research methods (retrospective, comparative, discursive, component).

Key words: rural areas, social economy, threats and challenges, social enterprises, organizational models, social and ecosystem services.

Актуальность и новизна. Различные аспекты функционирования социальной экономики, формирующие соответствующее (относительно новое) направление исследований в экономической теории, приобретают высокую актуальность применительно к развитию сельских территорий в условиях новых рисков, связанных с биологическими угрозами (подобными пандемии COVID-19), неблагоприятным изменением климата (возникающими природными катаклизмами), обострением геополитической обстановки (разрушением сложившихся логистических и маркетинговых цепочек) [1]. В границах сельских

территорий всё более востребованным, помимо решения экономических вопросов, становится поставка всевозможных социальных и экологических услуг, в связи с чем, во-первых, функционирующие аграрные предприятия (фермерские хозяйства, кооперативы, другие сельскохозяйственные организации) диверсифицируют свою деятельность, расширяя её не только на определённые области сельскохозяйственного производства и переработки сельскохозяйственного сырья, но и на сферу услуг. Таким образом, на фоне коронакризиса и обострения геополитической обстановки действующие в сельском пространстве аграрные хозяйства приобретают некоторые черты социальных предприятий, обозначая в качестве своего функционала решение многих проблем (социальных, экологических). Во-вторых, появляются сугубо социальные предприятия, для которых выдвигаемые сельскими сообществами цели являются основными, подлежащими достижению в первую очередь. В целом же причиной повышенной социальной (и экологической) активности сельских субъектов, свойственной обычно предприятиям социальной экономики (и из первой, и из второй группы), является, с одной стороны, появление в сельском пространстве новых задач, которые ранее не были так остры и злободневны, с другой стороны, уход из сельских районов некоторых поставщиков. Относительно государственных это вызвано высокой бюджетной нагрузкой на государственные структуры в период пандемии COVID-19 и в постпандемический период, а также в связи с повышенными расходами на преодоление сложной геополитической обстановки. Для частных компаний снижение интереса обусловлено высокими затратами в более сложных условиях, низким спросом в связи с сокращением доходов сельского населения, как следствие, падением эффективности деятельности [2].

Целью исследования, помимо некоторых уточнений концептуальных понятий и методологических допущений, является изучение роли социальной экономики в динамичном и устойчивом развитии сельских территорий, её возможностей в продвижении необходимых для этого организационных и технологических инноваций. В качестве социальных и экологических ориентиров функционирования социальных предприятий (или предприятий, инкорпорирующих соответствующие задачи в другие виды основной деятельности) в работе специфицированы такие, как (1) рост занятости и доходов сельского населения, причём всех его групп, включая наименее защищённые или находящиеся в сложной жизненной ситуации, (2) обеспечение селян важными товарами и услугами, необходимыми для качественной жизни, сохранения и укрепления здоровья, физического и интеллектуального развития, (3) выполнение широкого спектра экосистемных услуг, направленных на сохранение сельских ландшафтов, повышение эффективности использования местных ресурсов, улучшение экологии и противостояние негативным проявлениям изменения климата. Учитывая современные тенденции в развитии экономики и общества, в ходе исследовательской работы рассмотрен потенциал социальных предприятий к участию в продвижении цифровой трансформации

сельского пространства, а также конкретные (альтернативные) модели организации социальной деятельности, достойные инкорпорации в отечественные условия среды благодаря как гибкости и адаптивности своего внутреннего устройства, так и его релевантности сложившимся в российских регионах институциональным и социально-экономическим возможностям и ограничениям.

Материал и методы. Представляя собой новое (междисциплинарное) направление в экономической науке, теория социальной экономики предлагает учёным столь же новые подходы, методы и инструменты исследований. В поисках инновационных путей экономического развития, которые могут поддержать социальную интеграцию и сбалансированное экономическое развитие, социальная экономика является чрезвычайно привлекательной научной парадигмой [3]. В реальной действительности её сильные стороны зависят от способности гражданского общества к самоорганизации и самостоятельности. По сути, социальная экономика обеспечивает институциональную архитектуру для адекватного использования (направления в нужное русло) способностей граждан решать жизненно важные экономические, социальные и экологические проблемы в ряде представляющих общий интерес областей, включая обеспечение население общественными товарами, социальными услугами, экосистемными благами (особенно услугами здравоохранения и образования) [4]. В данной работе, в связи с этим, в качестве концептуальной базы принята научная парадигма, в основе которой лежат такие ограничения, как неопределённость, риски, угрозы, вызовы, важность феномена локальности, в то время как ранее многие исследования основывались на условиях перманентности и стабильности, признании постоянной положительной динамики и глобализации. Идентификация опыта функционирования предприятий социальной экономики, наилучшим образом соответствующего институциональной среде и другим условиям сельского развития, как и решение других задач исследования, осуществлялось, в большей степени, с помощью приёмов теоретического анализа и обобщений, фокусом которых были научные работы, посвящённые и методологии социальной экономики, и её конкретным практикам, имеющим место как в зарубежной, так и в отечественной сельской среде. Ретроспективный и сравнительный (компаративный) методы анализа, как и институциональный, рассматривающий формальный и неформальный институциональный контекст деятельности сельских социальных организаций, в данном исследовании отличаются наибольшей результативностью и приемлемостью.

Результаты и их обсуждение. Прежде всего, излагая основные итоги предпринятой работы, начать следует с пояснения понятийного аппарата, используемого методологией социальной экономики, набирающей популярность благодаря своевременности появления и возможностям практического использования. Важно отметить, что целостная и комплексная

концепция социальной экономики лишь начинает формироваться, а отдельные её элементы (термины, определения) применяются учёными с преломлением к национальной и региональной истории, культуре, формальным и неформальным институтам. Так, термин «социальная экономика» используется чаще всего для спецификации набора организаций, объединяемых определёнными характеристиками [5]. Если обратиться к их классическим трактовкам, используемым в исследованиях на ранних этапах формирования теории социальной экономики, то социальные предприятия представляются в них как некоммерческие организации, которые (1) стремятся к достижению социальных и экологических целей, (2) занимаются деятельностью в сфере производства товаров или услуг, полезных непосредственно для тех территорий, в границах которых они функционируют, (3) имеют юридический статус, гарантирующий, что все активы и накопленное имущество находятся не в собственности отдельных лиц, а в собственности коллектива в целом, (4) действуют в интересах лиц, являющихся их бенефициарами, (5) имеют организационное устройство, предполагающее активное участие членов в деятельности организации (включая управление), (6) поощряют сотрудничество и взаимопомощь (с равными правами, предоставляемыми всем членам) [6].

Хотя вопрос о том, обладают ли все социальные предприятия такими характеристиками, является спорным, социальная экономика включает в себя организации, которые стремятся принести пользу либо своим членам, либо сообществу, в котором они работают. По существу, в их перечень обычно входят кооперативы, общества взаимопомощи, ассоциации, фонды, а в последнее время и новейшие формы социальных предприятий (такие как социальные кооперативы). Отличает их от обычных коммерческих предприятий наличие общей цели деятельности, исключая стремление к извлечению прибыли способами, несогласованными с социальными и экологическими приоритетами сельских сообществ. Более того, организации социальной экономики, стараясь следовать интересам своих членов, фиксируют в своих институциональных документах демократический характер процесса принятия решений внутри организаций, преобладание критерия затраченного труда в распределении доходов, активное участие волонтеров, которые часто играют доминирующую роль на начальном этапе функционирования предприятия и вносят значительный вклад во внедрение в деятельность организаций различных социальных инноваций [6].

Что касается отраслевой принадлежности, любой тип производства товаров и услуг априори может быть охвачен рамками социальной экономики. В результате (на практике) организации социальной экономики присутствуют в сельском хозяйстве, в сфере народных ремёсел, в промышленности, а также в таких областях, как здравоохранение, культура, образование, отдых, социальные услуги, финансы, международное сотрудничество [7]. Со временем сферы их деятельности меняются, как и модели их функционирования, а в выполнение социальных задач вовлекаются самые современные формы организации бизнеса.

Например, инвесторо-ориентированные фирмы развиваются в направлении достижения социальных целей, а кооперативы занимают всё более предпринимательскую позицию, в то же время, безусловно, сохраняя социальную ориентацию [8]. Эти параллельные тенденции приводят к сближению предпринимательской и социальной бизнес-моделей, в связи с чем термин «социальное предпринимательство» начинает охватывать все виды деятельности, в перечне функций которых присутствует достижение тех или иных социальных и экологических целей.

Предпринимая краткий экскурс в историю теории и практики социальной экономики, важно сделать несколько заслуживающих внимание акцентов. Прежде всего необходимо напомнить, что теоретические и эмпирические ссылки на социальную экономику встречаются уже в 19 веке. Именно в то время, как упоминается некоторыми учёными, организации социальной экономики становятся частью социальной, экономической и политической истории отдельных стран, функционируя в качестве институтов, включённых в более широкий процесс социального и экономического развития как на национальном, так и на местном уровнях [9; 10]. Возникнув в определённом контексте, эти организации выполняют разные миссии и функционируют в разных организационных формах. В Европе они представляют собой (в основном) социальные предприятия, создаваемые для оказания социальных услуг и интеграции находящихся в крайне тяжёлом положении людей в трудовую деятельность [9]. В развивающихся странах такие структуры появляются (благодаря мобилизации местных ресурсов и поддержке внешних акторов) в областях, представляющих непосредственный интерес для сельских сообществ, таких как предоставление схем микрокредитования, строительство инфраструктурных объектов, оказание социальных услуг пожилым людям, детям и молодёжи (социальный уход, образование, здравоохранение) [11]. Эта деятельность часто перерастает в новые типы предприятий, которые своей сутью и особенностями организации противоречат, во-первых, основным постулатам традиционной экономической теории о преобладании в современной экономической среде агентов, преследующих только собственные цели, во-вторых, общепринятой концептуализации предприятия как феномена, нацеленного, главным образом, на максимизацию прибыли. Первоначально эти инициативы возникали чаще всего эпизодически и на добровольной основе для решения краткосрочных задач, но со временем они институционализировались в стабильно функционирующие организации, непрерывно предоставляющие определённые (зачастую инновационные) социальные и экологические услуги [12].

Начиная с 1980-х годов, идея о том, что местные сообщества могут удовлетворять свои собственные потребности через организации социальной экономики, получила распространение во всём мире, поскольку стало ясно, что экономическое и социальное развитие не может быть результатом

функционирования предприятий, принадлежащих исключительно частным инвесторам. Следуя современным общественным приоритетам, группы граждан добровольно инициировали новую экономическую деятельность, нацеленную не столько на извлечение доходов и прибыли, сколько на предоставление услуг группам сельского населения, находящимся в сложной жизненной ситуации (молодёжи, женщинам, безработным), а также на решение социальных и экологических проблем сельских сообществ в целом. Более того, задачи устойчивого развития, всё настойчивее звучащие в современных программных документах, потребовали множества альтернативных способов организации производства, цели деятельности которых сводятся не только к максимизации прибыли. В поле их деятельности находятся социальные и экосистемные услуги, которые (в силу определённых, часто экстремальных, обстоятельств) становятся обременительными для государственных субъектов, а также (по столь же объективным причинам) перестают представлять интерес для обычного частного бизнеса. К ним относятся предприятия различных видов, не принадлежащие инвесторам (находящиеся в совместной собственности потребителей, производителей, местных сообществ) и до недавнего времени не идентифицируемые в качестве движущей силы экономического развития. Все они в современной литературе получили название социальных предприятий, а явление, объединяемое этим термином, охватывает практически все страны, характеризующиеся существенной дифференциацией по уровню социально-экономического развития, возможностям социального обеспечения населения, способности преодоления негативных климатических следствий и достижения экологической безопасности.

Таким образом, история социальных предприятий такова, что ключевые социальные услуги (включая образование, социальный уход, услуги здравоохранения) изначально оказывались обществами взаимопомощи и кооперативами, но впоследствии были переданы национальным правительствам в рамках процесса расширения функций государства от сугубо экономических к социальным, а затем к экологическим (роль социальных организаций как субъектов социального обеспечения на этом фоне существенно снизилась). Однако эта ситуация резко изменилась, когда в режимах социального обеспечения начали проявляться первые симптомы кризиса. По мере истощения государственных ресурсов (как правило, на фоне экстраординарных обстоятельств) организации социальной экономики постепенно становятся поставщиками социальных услуг и возвращают себе роль важных участников местных систем социального обеспечения во многих странах мира [13]. И всё же, несмотря на это, организации социальной экономики стали признаваться государством в качестве особого экономического субъекта относительно недавно и лишь в отдельных институциональных рамках. В определённой степени это запоздалое и неполное признание вызвано отмеченным выше «поглощением» многих организаций социальной экономики государственными

структурами, что вполне соответствует логике функционирования государственного сектора в определённый исторический период времени.

Реальная ситуация такова, что в последние годы социальные предприятия появляются во всё новых географических локальностях, постепенно увеличиваются в размерах, диверсифицируют выполняемые функции, привлекают повышенное внимание тех или иных заинтересованных сторон, включая исследователей, политиков, местные администрации, финансовых посредников, международные институты. Но, несмотря на такую экспансию, социальные предприятия, по сравнению с обычными коммерческими, всё же гораздо реже встречаются в качестве объектов исследования в научной литературе (ограничивая динамику развития соответствующего направления в теории), а также в качестве предмета обсуждения в дискуссиях специалистов (что тормозит их развитие на практике). Как следствие, многие заинтересованные в социальной экономике субъекты сталкиваются с трудностями в понимании их природы и в интеракциях с ними. В свою очередь, для того чтобы поддержать инициативы социального бизнеса, появляющиеся в отечественной сельской среде, повысить оценки значимости социальных предприятий в российских условиях, необходимо, прежде всего, изучить имеющийся опыт функционирования социальных предприятий в различных странах мира (передовые практики социальных предприятий, действующих в определённых областях экономической и социальной жизни сельских сообществ), траектории их развития в свете быстро меняющейся ситуации.

В итоге, в поисках инновационных путей экономического развития, поддерживающих социальную интеграцию и сбалансированный экономический рост, социальная экономика становится чрезвычайно привлекательной парадигмой развития [14]. В последнее время этот альтернативный подход, учитывающий ослабление глобализации и усиление значимости местных факторов и условий, рассматривает развитие как социальный процесс, обусловленный различными факторами (включая экономические, институциональные, исторические, культурные). В практическом контексте социальная экономика предоставляет местным сообществам институциональные инструменты для разумной организации и эффективного использования своих активов в целях успешного социального и экономического развития.

Фактически же, практики социальной экономики стремительно распространяются по всему миру, охватывая всё большее территориальное пространство, оказывая влияние на его экономическую, социальную и экологическую жизнь. Поскольку во многих странах общепринятой официальной методологии и индикаторов функционирования социальной экономики до сих пор не существует, можно обратиться лишь к тем из них, которые встречаются в научных публикациях и обзорах. К примеру, в аналитических отчётах отмечается, что в различных странах мира в 2022 г.

функционировало более 3,5 млн субъектов социальной экономики, обеспечивающих занятость почти 15 % населения [15]. В секторальном разрезе картина такова, что организации социальной экономики распространяют свою деятельность на многие сферы общественной жизни, причём связанные и с производством товаров (сельское хозяйство, другие виды сельской экономики), и с оказанием услуг (образование, здравоохранение, коммунальные услуги, финансы). Некоторые из них являются относительно небольшими и сугубо социально ориентированными, другие – крупными и бизнес-ориентированными предприятиями (даже с международным охватом) [15].

Сбор и обобщение результатов имеющихся исследований позволил сделать вывод о том, что существует очевидная страновая специфика феномена социального предпринимательства, обусловленная разнообразными традициями и различающимся институциональным контекстом, формирующими актуальные для социальных предприятий рамки их деятельности [16]. Прежде чем остановиться на таких особенностях, уместно отметить, что организации социальной экономики, как следует из опубликованных научных обобщений такого опыта, играют решающую роль в поддержке социально-экономического развития сельских территорий и, особенно, в расширении прав и возможностей сельского населения использовать местные ресурсы для решения самых насущных проблем и задач. Благоприятное влияние социальной экономики на социально-экономическое развитие следует рассматривать с разных точек зрения. Организации социальной экономики, решая насущные социальные и экологические задачи на селе, поддерживают инклюзивный и устойчивый рост, создают новые рабочие места, способствуя сокращению бедности и росту доходов, формируют условия для более справедливого распределения и сбалансированного использования ресурсов, вносят весомый вклад в институционализацию неформальных организаций и отношений взаимопомощи, солидарности и сотрудничества. Следуя данному допущению, положительное воздействие социальной экономики на социально-экономическое развитие анализируется в данной работе с позиции (1) участия в достижении устойчивости сельских территорий, (2) значимости в сокращении бедности и росте доходов сельского населения (в том числе путём создания новых рабочих мест), (3) обеспечения сбалансированного использования и распределения ресурсов, (4) институционализации неформальных организаций, структурирующих взаимопомощь и сотрудничество в сельском пространстве. Результаты, полученные в ходе тестирования соответствующих гипотез, важны как в плане теории, так и для практического использования, а потому достойны более подробного изложения и пояснения.

Что касается первого аспекта (участие в достижении устойчивости сельских территорий), то начать следует с того, что сосуществование множества предприятий, имеющих разную структуру собственности и преследующих разные цели, помогает предотвратить образование монополий, способствует повышению конкурентности рынков, что, в свою очередь, предоставляет

потребителям большой выбор, ограничивает информационную асимметрию, снижает розничные цены, открывает возможности для инноваций [17]. Сельские кооперативы, в частности, будучи классическими представителями социальных организаций, играют значительную роль в уменьшении сбоев рынка, тем самым улучшая функционирование сельской экономической системы и благосостояние сельского населения. Этот вклад обусловлен особыми правилами владения кооперативными активами и управления кооперативной деятельностью. Будучи местными институтами, кооперативы успешно адаптируются к изменению местного контекста, а потому могут рассматриваться как наиболее подходящие институциональные структуры для решения важнейших социальных и экономических проблем [18]. Они до сих пор играют ключевую роль в стабилизации экономики, особенно в секторах, характеризующихся значительной неопределенностью и волатильностью цен, таких как сельское хозяйство и другие сегменты сельской экономики [19]. Как показывает анализ и интерпретация результатов зарубежных и отечественных эмпирических исследований, фокусом которых является функционирование предприятий различных организационных моделей в годы пандемии COVID-19 и в постковидный период, стабилизирующая роль кооперации на селе имеет решающее значение для преодоления кризисных явлений и, в более широком смысле, для улучшения способности сельских сообществ реагировать на неопределенность среды и разного характера потрясения [20].

Кроме того, исторические данные показывают, что по сравнению с предприятиями, принадлежащими инвесторам, совместные решения, принимаемые внутри кооперативов, более инклюзивны и главным образом ориентированы на достижение интересов местных сообществ. К примеру, финансовые кооперативы часто стремятся преодолеть финансовую изоляцию и расширить финансовые возможности предприятий сельской экономики, потребительские кооперативы гарантируют поставки основных товаров, обеспечивая тем самым выживание сельских домохозяйств, сельскохозяйственные кооперативы являются основным институциональным инструментом, с помощью которого фермеры и другие мелкие аграрные хозяйства преодолевают рыночное превосходство крупных дистрибьюторов, сохраняют себя в качестве самостоятельных производителей, обеспечивают развитие местной экономики даже в условиях непредвиденных флуктуаций среды [19]. И наконец, кооперативы, как и другие социальные предприятия, склонны ориентироваться на долгосрочную перспективу, заботясь о благополучии будущих поколений и фактически становясь гарантами устойчивого развития сельских территорий.

Принимая в расчёт тот факт, что кооперативная отчётность периодически обновляется и публикуется в открытой печати (чаще всего Международным кооперативным альянсом), следует привести имеющиеся сравнительные данные по кооперативам на имеющуюся в отчётах последнюю дату. Так, по состоянию

на 2017 г. по всему миру в кооперативы было вовлечено 279,4 млн человек, что составляет не менее 10 % всего занятого населения (Cooperatives and Employment: Second Global Report) [21]. В этих же отчётных материалах утверждается, что 375370 кооперативов функционирует в Африке (в них занято более 22 млн чел.), в Азии – 2156219 кооперативов (занято более 235 млн чел.), в Океании – не менее 2,3 тыс. кооперативов (занято более 75 тыс. чел.), в Америке – около 200 тыс. кооперативов (занято более 6 млн чел.), в странах Европы – около 222 тыс. кооперативов (занято почти 15,5 млн чел.) [21].

Относительно второго аспекта (значимость в сокращении бедности и росте доходов сельского населения) отметим, что организации социальной экономики восполняют недостаточное (для удовлетворения потребности сельских граждан) предложение услуг общего пользования, которые государственные учреждения и коммерческие предприятия не могут предоставить по ряду причин, включая бюджетные ограничения, неспособность быстро уловить новые потребности, возникающие в обществе, а также сбои рынка, вызванные информационной асимметрией. Все эти аспекты имеют решающее значение в периоды, подобные пандемии COVID-19, когда базовые государственные услуги отсутствуют по причине отвлечения бюджетных средств на защиту населения от последствий распространения инфекции, сохранение жизней людей и сельскохозяйственного производства. Важно подчеркнуть, что организации социальной экономики, поддерживаемые государством, могут производить товары и услуги с низкой или неопределенной (если не отрицательной) рентабельностью, включая социальные, медицинские, образовательные и другие (частные и общественные) услуги, в предоставлении которых предприятия, принадлежащие инвесторам, не заинтересованы. В случаях отрицательной рентабельности организации социальной экономики достигают точки безубыточности благодаря привлечению дополнительных ресурсов, таких как волонтерский труд, пожертвования, государственные субсидии. Причём, как подтверждают данные из многих стран мира, именно работа добровольцев и средства членов местных сообществ особенно важны на начальном этапе функционирования всех типов организаций социальной экономики, независимо от содержания их деятельности [8].

И конечно же, организации социальной экономики вносят неоценимый вклад в достижение стабильной занятости на селе. В целом такие структуры разрабатывают новые виды деятельности и способствуют созданию новых рабочих мест в секторах, проявляющих в некоторых случаях высокий потенциал трудоустройства (например, сектор социальных услуг во время кризисов различной природы). Более того, что важно в свете анализируемого подхода, развивая новые для села опции активности, им удаётся трудоустроить временно незанятых или имеющих более слабые позиции на рынке труда (женщин с детьми, ищущих гибкую работу, молодёжь с небольшим опытом работы, людей с особенностями здоровья), внедряя в свою организацию инновационные модели трудовых отношений [1]. В то время как правительства многих стран часто

недооценивают роль социальной экономики, кооперативный бум, имеющий место в период пандемии коронакризиса показал возможности кооперативной экономики сохранить сельское население благодаря её внедрению во всевозможные социальные области сельской жизни [19].

Третий отмеченный аспект (сбалансированное использование и распределение экономических и неэкономических ресурсов) связан с тем, что, учитывая важнейшие экономические и социальные проблемы, затрагивающие современные сельские территории, управление процессом развития на местном уровне (с использованием местных ресурсов) имеет первостепенное значение [22]. Организации социальной экономики играют в этом отношении основную роль, поскольку их институциональная структура позволяет местным субъектам непосредственно участвовать в принятии решений о том, как будут использоваться ресурсы, доступные на местном уровне. Благодаря своему прямому влиянию на управление экономическим и социальным развитием организации социальной экономики могут, таким образом, способствовать более сбалансированному использованию и распределению ресурсов на благо местных сообществ. Как следствие, за счёт привлечения местных заинтересованных сторон они помогают продвигать инклюзивные модели управления, расширяющие возможности местных сообществ в принятии стратегических решений. К примеру, мобилизуя местный потенциал в период пандемии COVID-19 и в постпандемический период, сельские сообщества, имеющие опыт самопомощи и тесного сотрудничества, внесли весомый вклад в решение своих собственных проблем, связанных с ограничением мобильности, отсутствием социальных услуг различного вида, необходимостью организации дистанционной занятости, образования, здравоохранения [20]. Наконец, благодаря инструментам результативного взаимодействия сельского населения и их сообществ с другими секторами, включая государственные учреждения и коммерческие предприятия, а также посредством создания институционального механизма, основанного на активном личном участии, организациям социальной экономики удаётся осуществить важные преобразования сельской социальной и экономической системы, вывести сельскую экономику на прежний (допандемический) уровень.

И, в заключение данного фрагмента исследования, четвёртый аспект (институционализация неформальных организаций, структурирующих взаимопомощь и сотрудничество в сельском пространстве) акцентирует внимание на опыте ряда развивающихся стран и стран, в которых социальные практики на селе сформируются довольно давно, констатируя, что многие формальные организации социальной экономики часто развиваются из предыдущих неформальных инициатив, основанных на взаимном сотрудничестве. Тем не менее, в некоторых странах имеющиеся (традиционные) практики самопомощи часто игнорируются инвесторами, правительственными учреждениями, НПО, а предпочтение отдаётся организационным моделям,

импортированным из других стран, не имеющим прочную институциональную почву в границах сельского пространства. И всё же, за последние десятилетия среди приверженцев теории социальной экономики укрепляется новое мышление, в основе которого лежит идея о том, что деятельность социальных предприятий должна основываться на местных культурных традициях. Именно такой подход, как демонстрирует практика, может способствовать мобилизации местного населения на решение проблем путём сотрудничества и взаимопомощи, в какой бы правовой конструкции (либо неформально) они не осуществлялись. Как правило, продвижение из неформального сектора в формальный лежит через добровольные ассоциации и (опять же) через кооперативы, наилучшим образом использующие традиции солидарности, существующие на местном уровне. Однако это не исключает ситуаций, когда правовые и политические ограничения существенно затрудняют институционализацию неформальных организаций, что наблюдается и в отечественных условиях (медленное развитие аграрных кооперативов на фоне неблагоприятной неформальной среды) [23], и в ряде развивающихся стран, где традиции кооперации только формируются.

Исследования, оценивающие влияние организаций социальной экономики на сельскую жизнь, по-прежнему немногочисленны и опираются, в основном, на конкретные подходы, наиболее приспособленные к анализу определённых форм бизнеса (в последнее время активизируются кооперативная теория и теория общественного выбора). Однако, хотя эмпирические данные всё ещё существенно ограничены, они показывают, что стратегии самопомощи, реализуемые на местном уровне, играют важную роль в создании условий для жизнедеятельности сельского населения в различных частях мира с совершенно разной географической, культурной и политической средой [24]. В том числе к ним относятся и страны, испытывающие недостаток ресурсов и инвестиций, где процессы развития часто стимулируются «внешними игроками» (в первую очередь иностранными инвесторами и донорами) с неоднозначными результатами [25]. В то время как по развитию социальной экономики в европейских странах имеется множество публикаций и аналитических обзоров [12; 24], примеры зарождения таких практик в развивающихся странах встречаются довольно редко, хотя заслуживают не менее пристального внимания. Основная научная гипотеза, требующая верификации путём изучения опыта, заключается в предположении о том, что особенности функционирования предприятий социальной экономики тесно связаны с уникальностью неформальных институтов, которые, в отличие от формальных, изменяются медленно и сложно. В связи с этим, предметами данного исследования стали теоретические основания и практическая реализация концепции социальной экономики в современной Африке.

Приступая к изложению результатов обозначенной части работы, важно отметить, что термин «социальная экономика» редко используется в африканском контексте (в том числе в теории), хотя организации с

обозначенными выше характеристиками, безусловно, упоминаются при описании африканской экономики. Как отмечается в некоторых публикациях, термин «социальная экономика» только в последние годы становится частью языка, используемого политиками и исследователями во многих африканских странах [26]. Однако это не означает, что в этих странах нет социальной экономики. Напротив, в научных публикациях всесторонне аргументировано, что Африка является континентом, на котором социальная экономика играет заметную роль в жизни населения, поскольку, в силу остроты социальных и экологических проблем, во всех африканских странах имеется большое разнообразие организаций, преследующих социальные и экологические цели (производство товаров общего пользования, организация поставок частных товаров и услуг коллективным образом). Остановившись на отдельных примерах, следует отметить особые формы кооперативной активности, практикуемые фермерами в Республике Гвинея-Бисау, когда в сельских общинах осуществляются взносы (предоплаты), предназначенные для реализации каких-либо общих задач (в том числе для покрытия расходов на религиозные обряды, захоронения и т. д.) [27]. Подобные инициативы существуют также и в Кении, и во многих других странах Африки, где люди проживают в сообществах, характеризующихся сильными моделями социальных связей и отношений [28]. В такой среде люди имеют традиции собираться вместе, чтобы продвигать взаимные интересы, оптимально использовать местные ресурсы, участвовать в управлении своими сообществами (члены сообществ несут ответственность за производство ключевых товаров и услуг, удовлетворение основных потребностей жителей села). Причём в Кении, например, традиционный дух взаимопомощи, существующий и действующий в доколониальные времена, нашёл новое выражение в конце 1960-х годов, когда сформировалось новое движение (Narambee), ставшее институциональным олицетворением национальных усилий самопомощи и сотрудничества [28]. В Эфиопии совместная сельская деятельность также является распространённой и признаваемой сельскими сообществами, функционируя в форме ассоциаций взаимопомощи, охватывая не только сугубо сельские, но и сельско-городские районы, где традиционные социальные сети объединяют членов определённой этнической группы для решения отдельных вопросов и развития практик солидарности [29].

Изучив современную историю развития форм организации сельского бизнеса в странах Африки, в развитии организаций социальной экономики можно выделить две основные тенденции. Первая связана с тем, что многие традиционные формы сотрудничества проложили путь к появлению современных организаций социальной экономики, доказав свою способность адаптироваться к новым потребностям, возникающим в обществе в условиях современных рисков и угроз, внося существенный вклад в развитие новых социальных движений, действующих на местном и национальном уровнях.

Вторая же обусловлена склонностью отдавать предпочтение «импортированным» моделям социальной экономики и игнорировать традиционные инициативы. В свете последней тенденции применение концепции «социальной экономики» к такому континенту, как Африка, может стать проблематичным, поскольку существует риск игнорирования сложившихся и поддерживаемых всем населением традиций, существующих в этих странах, в то время как для формирования по-настоящему общественных организаций крайне важно сохранить традиционный контент социальной экономики, учесть именно местные её условия. В связи с этим уместно напомнить подход к развитию социальной экономики, предложенный Дж. Дефурни и П. Девельтера (Defourny J., Develtere P. *The Social Economy: The Worldwide Making of a Third Sector*) и утверждающий, что в основе успеха деятельности предприятий социальной экономики лежат «необходимость» и «местная идентичность» [30]. Только в том случае, когда практики социальной экономики возникают в ответ на насущную потребность, ощущаемую сообществом, а также иницируются социальными группами, объединёнными коллективной идентичностью, можно рассчитывать на успешное выполнение соответствующими организациями социальных и экологических функций [30].

В этом направлении границы социальной экономики в Африке можно было бы расширить, включив в неё неформальные организации, поддерживающие взаимопомощь на местном уровне и организуемые сугубо добровольно (по инициативе «снизу»), и, наоборот, исключив те из них, которые управляются и финансируются извне. Согласно такому подходу, социальную экономику можно рассматривать как подсистему формальных и неформальных некоммерческих организаций, действующих в Африке в настоящее время. К тому же общественные организации, на которые в большей степени можно рассчитывать в решении местных проблем без опоры на международную помощь, действительно основаны на инициативах сообществ и созданы для реагирования на возникающие в границах определённых сельских территорий потребности. Исторически они функционируют в виде неформальных инициатив, возникающих как инструмент автономного снабжения средствами к существованию, и играют ключевую социальную роль, обеспечивая важнейшую систему безопасности в деревнях и сёлах (хотя правительство долгое время игнорировало их или считало устаревшими). Типичными примерами африканских неформальных организаций самопомощи являются сберегательно-кредитные ассоциации и, конечно же, неформальные добровольные объединения, разделяющие ценности и принципы современных кооперативов и образующиеся в основном в сельских районах [27].

Относительно кооперативов, которые постепенно формализуются и функционируют в современной институциональной среде, следует подчеркнуть, что, в отличие от Европы, где их возникновение организационно происходит «снизу вверх», в Африке кооперативная форма впервые введена колониальными правительствами для увеличения производства сельскохозяйственных культур и

для контроля над экономической деятельностью в сельских районах. Затем, после обретения независимости, правительства африканских стран попытались сохранить такой контроль, спровоцировав неэффективные кооперативные практики, не отвечающие потребностям членов. Однако сегодняшние неблагоприятные следствия вызовов биологического, климатического и геополитического характера, стимулируя сельское население к объединению, взаимопомощи и солидарности, привели к структурной реорганизации кооперативов, их интеграции в местную экономику, ориентацию на всех членов кооперативов и других селян, включая находящихся в сложной жизненной ситуации и нуждающихся в серьёзной общественной поддержке. Например, данные Федерального кооперативного агентства и Агентства благотворительных обществ Эфиопии показывают, что кооперативы и ассоциации, занимающиеся только социальными вопросами, обслуживают более 6,6 млн домохозяйств, входящих в их состав, и создают около 150 тыс. рабочих мест [31]. На этом фоне правительство Эфиопии (как и правительства других африканских стран) демонстрирует приверженность сельскохозйственным кооперативам, стремясь укрепить и диверсифицировать кооперативную бизнес-модель для того, чтобы предоставлять сельским жителям качественную социальную и экологическую помощь, поддерживать мелких фермеров, оказывать жизненно важные услуги, включающие (1) расширение финансовых возможностей в сельских районах, (2) приобретение сельскохозйственной техники, оборудования и инвентаря и сдачу их в аренду фермерам, (3) создание небольших агроперерабатывающих предприятий, где можно было бы производить продукты питания для местного населения, (4) формирование различных социальных институтов для предоставления всевозможных видов социальных услуг [31].

Являясь общеизвестными социальными предприятиями, на основе которых могут возникать и развиваться другие их формы, сельские кооперативы постепенно, но стабильно охватывают всё новые сферы деятельности в Российской Федерации и её субъектах [32]. Так, кооперативы в Башкортостане функционируют в границах сельских территорий, прежде всего, в форме сельскохозйственных потребительских кооперативов, играя всё более значимую роль в развитии аграрной отрасли экономики и повышая свои конкурентные позиции (в 2022 г. доход сельскохозйственных потребительских кооперативов Республики Башкортостан составил более 2,8 млрд рублей, что на 26 % больше, чем в 2021 г.) [33]. Благодаря мерам государственной поддержки, а также общему улучшению формальной и неформальной институциональной среды, сельская кооперация в республике продолжает динамично развиваться (рисунок 1).

Рисунок 1 – Основные характеристик развития сельскохозяйственных потребительских кооперативов в 2022 г.

[Составлено авторами на основе данных официальной статистики]

Уместно акцентировать внимание на том, что кооперативы в Республике Башкортостан сосредотачивают не только свою деятельность на переработке сельскохозяйственной продукции (в 2022 г. из 55 тыс. тонн переработанной сельскохозяйственной продукции, переработано мяса 2,6 тыс. т, сырого молока – 43 тыс. т, мёда – 74 тыс. т, дикоросов – 41 т), но и охватывают всё новые сферы сельской экономики. При этом государственная поддержка сельскохозяйственных потребительских кооперативов (оказывается в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», в 2022 г. составила 173 млн руб., в 2023 г. – 212 млн руб.) позволяет повышать эффективность их деятельности, становиться всё более социально и экологическими ориентированными. Учитывая реализуемые кооперативами принципы, развитие кооперации усиливает профессиональное сельскохозяйственное образование (стажировки, мастер-классы, обучение современным технологиям и цифровым инструментам в сельском хозяйстве), расширяет возможности развития сельских территорий, проникает в сферу агротуризма и народных промыслов (стимулирует кооперативные подходы к организации национальных ремёсел, таких как ткачество, выделка войлока, производство безворсовых ковров, шалей, вышивка, обработка кожи, обработка дерева, металлургия). Продолжая традиции башкирских мастеров, современные формальные и неформальные объединения сельских умельцев способствуют росту занятости и доходов посредством производства и реализации различных художественных изделий в башкирских традициях (роспись по дереву (липа), нанесение национальных рисунков на ткань (шифон, шёлк, атлас), вышивка в изделиях из хлопка и льна (скатерти,

салфетки, полотенца, одежда), ручное ткачество (ковры, домашний текстиль, подушки), а также другие традиционные виды народных промыслов).

В заключение отметим, что существенный результат в процессе развития социальной экономики способны сгенерировать именно совместные инициативы государства и сельских сообществ. В этом случае, чтобы развивать имеющийся потенциал социальной экономики, государственная политика должна учитывать разнообразие локальных потребностей и имеющиеся возможности соответствующих предприятий, а местные (заинтересованные) субъекты должны привлекаться на всех этапах политического процесса (от диагностики местных особенностей до разработки, реализации и оценки политики). Не меньшую значимость имеет и создание институциональной инфраструктуры для обмена информацией, совместных процессов стратегического планирования, реализации разработанных проектов и программ. Как итог, развитие социальной экономики посредством широкого представительства местных участников снижает риски ошибок при определении приоритетов сельской государственной политики и в случае фрагментации её контента. Кроме того, это уменьшает асимметрию информации, тем самым сокращая финансовые расходы и время, потерянное в случае спецификации неадекватных ситуации мер или необходимости их корректировки. Совместный подход к развитию социальной экономики, объединяя вместе большое количество разнообразных участников, приводит, в конечном счёте, к более последовательной и эффективной государственной политике, инновационным и адаптивным политическим мерам и программам, особенно по сравнению с теми, которые разрабатываются или реализуются правительством в одностороннем порядке.

Выводы. Международные и национальные тематические исследования, посвящённые различным аспектам функционирования социальной экономики в обстоятельствах новых угроз и вызовов, подтверждают, что организации социальной экономики представляют собой растущий сегмент хозяйственной деятельности общества и вносят существенный вклад в улучшение благосостояния местных сообществ. В отличие от других парадигм развития, основанных на глобализации и возрастающей роли государства в решении социальных и экологических проблем, поддержка которых учёными и политиками в прошлом была бесспорной, различные инициативы, составляющие социальную экономику, всё более успешно внедряются в современную среду, способствуя местному развитию благодаря, в частности, их адекватной интеграции в социальную «ткань» местных сообществ. Как следует из примеров, подлежащих в ходе исследования анализу и обобщению, организации социальной экономики создаются исходя из интересов людей и предоставляют важные для них услуги и товары. Более того, в силу особенностей своего устройства, основанного на непосредственном участии и активной вовлечённости в деятельность «местных игроков», организациям социальной

экономики удаётся оценить потенциал местных ресурсов (как экономических, так и неэкономических), установить партнёрские отношения с государственными и частными заинтересованными сторонами в области местного экономического развития, социальной интеграции и создания рабочих мест. Недавние события, связанные с угрозами пандемии коронавируса, подтвердили, что организации социальной экономики способны сыграть ключевую роль в заполнении пробелов в предоставлении государственных и частных услуг в экстремальных условиях, существенно способствуя росту занятости и доходов, «выживая» сельских сообществ и безопасности сельских территорий. Примеры предоставляемых социальных и экосистемных услуг, имеющиеся в отечественной и зарубежной научной литературе и аналитических материалах государственных (в том числе региональных) органов, причём касающиеся как Российской Федерации, так и других стран мира, демонстрируют расширенные возможности социальной экономики в периоды локализации сельской жизни, связанные с распространением опасных болезней, природными катастрофами, сложными геополитическими ситуациями. Ещё один важный вывод заключается в том, что везде, где это возможно, следует поддерживать институционализацию неформальных местных инициатив посредством кооперативов и других социальных предприятий. Этот тип институционализации в сочетании с благоприятной нормативно-правовой базой может оказаться особенно полезным для масштабирования социального опыта и придания его использованию большей устойчивости. В то же время, важно остерегаться искажений, которые может вызвать импорт организационных моделей, заимствованных из других контекстов, особенно в том случае, если эти модели не полностью совместимы с местной культурой и традициями.

Список литературы:

1. Borzaga C., Tallarini G. Social Enterprises and COVID-19: Navigating between Difficulty and Resilience // *Journal of Entrepreneurial and Organizational Diversity*. 2021. № 10 (1). pp. 73-83.
2. Foss, N. J. The Impact of the Covid-19 Pandemic on Firms' Organizational Designs // *Journal of Management Studies*. 2021. № 58. pp. 270-274.
3. Calvo S., Morales A., Zikidis Y. Social and Solidarity Economy/ The World's Economy with a Social Face. New York: Routledge, 2017. 384 p.
4. Quiroz-Niño C., Murga-Menoyo M.Á. Social and Solidarity Economy, Sustainable Development Goals, and Community Development: The Mission of Adult Education Camp and Training // *Sustainability* 2017. № 9. pp. 2164.
5. Galera G., Borzaga C. Social Enterprise: An International Overview of its Conceptual Evolution and Legal Implementation // *Social Enterprise Journal*. 2009. № 5 (3). pp. 210-228.
6. Huybrechts B., Nicholls A. Social Entrepreneurship: Definitions, Drivers and Challenges. In: C. K. Volkmann, K. O. Tokarski, K. Ernst (Eds.). *Social*

- Entrepreneurship and Social Business. An Introduction and Discussion with Case Studies. Wiesbaden, Germany: Springer, 2012. pp. 31-48
7. Roth S., Valentinov V., Kaivo-oja J., Dana L.-P. Multifunctional Organisation Models // Journal of Organizational Change Management. 2018. No. 31 (7). pp. 1383-1400.
 8. Deng W. Internal Social Capital and the Life Cycle of Agricultural Cooperatives // Journal of Evolutionary Economics. 2021. № 31. pp. 301-323.
 9. Baglioni S. A Remedy for All Sins? Introducing a Special Issue on Social Enterprises and Welfare Regimes in Europe // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2017. Vol. 28, No. 6. pp. 2325-2338.
 10. Borzaga C., Fazzi L., Galera G. Social Enterprise as a Bottom-up Dynamic: Part 1 (Editorial). The Reaction of Civil society to Unmet Social Needs in Italy, Sweden and Japan // International Review of Sociology. 2016. № 26 (1). pp. 1-18.
 11. Minard C. S. L. Valuing Entrepreneurship in the Informal Economy in Senegal // Social Enterprise Journal. 2009. Vol. 5. № 3. pp. 186-209.
 12. Grashuis J. Pricing Strategies of Corporations and Consumer Co-Operatives in the Food Retail Sector: Evidence from England, Sweden, and the Netherlands // Journal of Co-operative Organization and Management. 2023. Vol. 11. Issue 1. P. 100204.
 13. Cooney K., Nyssens M., O'Shaughnessy M., Defourny J. Public Policies and Work Integration Social Enterprises: The Challenge of Institutionalization in a Neoliberal Era // Nonprofit Policy Forum. 2016. Vol. 7, No. 4. pp. 435-460.
 14. Thompson S., Valentinov V. The Neglect of Society in the Theory of the Firm: A Systems-Theory Perspective // Cambridge Journal of Economics. 2017. No. 41(4). pp. 1061-1085.
 15. OECD. Mapping Social and Solidarity Economy Ecosystems Around the World. Understanding the Country Fact Sheets. Источник: <https://www.oecd.org/cfe/leed/social-economy/oecd-global-action/country-fact-sheets.htm> (дата обращения 18.02.2024).
 16. Caire G., Tadjudje W. Toward a Global Legal Culture of the SSE Enterprise? An International Comparison of SSE Legislation // RECMA. 2019. №. 353. pp. 74-88.
 17. Sacchetti S., Borzaga C., Tortia E. C. The Institutions of Livelihood and Social Enterprise Systems // Forum for Social Economics. 2023. № 52 (3). pp. 282-297.
 18. Grashuis. J., Cook M. L. An Examination of New Generation Cooperatives in the Upper Midwest: Successes, Failures, and Limitations // Annals of Public and Cooperative Economics. 2018. Vol. 89 (4). pp. 623-644.
 19. Golovina S., Mikolaychik I., Poltarykhin A., Zhuravlev P. The Impact of Human Capital on the Success of an Agricultural Cooperative (example of «Arla Foods») // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Vol. 13. № 2. pp. 262-283.

20. Billiet A., Dufays F., Friedel S., Staessens M. The Resilience of the Cooperative Model: How do Cooperatives Deal with the COVID-19 Crisis? // Strategic Change: Briefings in Entrepreneurial Finance. 2021. Vol. 30 (2). pp. 99-108.
21. CICOPA. Cooperatives and Employment: Second Global Report. Brussels, Belgium, 2017. Источник: <https://ica.coop/en/media/library/cooperatives-and-employment-second-global-report> (дата обращения 18.02.2024).
22. Головина С. Г., Ручкин А. В. Роль кооперативов в устойчивом развитии сельских территорий // Аграрная наука. 2023. № 6. С. 131-138.
23. Yanbykh R., Saraikin V., Lerman Z. Cooperative Tradition in Russia: A Revival of Agricultural Service Cooperatives? // Post-Communist Economies. 2019. Vol. 31 (6). pp. 751-771.
24. Defourny J., Nyssens M. Conceptions of Social Enterprise and Social Entrepreneurship in Europe and the United States: Convergences and Divergences // Journal of Social Entrepreneurship. 2010. Vol. 1 (1). pp. 32-53.
25. Rono J. K. The Impact of the Structural Adjustment Programme on the Kenyan Society // Journal of Social Development in Africa. 2002. № 17(1). pp. 81-98.
26. Fafchamps M., La Ferrara E. Self-Help Groups and Mutual Assistance: Evidence from Urban Kenya // Economic Development and Cultural Change. 2012. Vol. 60. No. 4. pp. 707-733.
27. Wanyama F. O., Develtere P., Pollet I. Reinventing the Wheel? African Cooperatives in a Liberalized Economic Environment // Annals of Public and Cooperative Economics. 2009. Vol. 80. No. 3. P. 361-392.
28. Branch D., Cheeseman N. Democratization, Sequencing and State Failure in Africa: Lessons from Kenya // African Affairs. 2007. No. 108 (430). pp. 1-26.
29. Francesconi G. N., Heerink N. Ethiopian Agricultural Cooperatives in an Era of Global Commodity Exchange: Does Organisational Form Matter? // Journal of African Economies. 2010. Vol. 20 (1). pp. 153-177.
30. Defourny J., Develtere P. The Social Economy: The Worldwide Making of a Third Sector, In: Defourny J., Develtere P., Fonteneau B. (eds.) Social Economy: North and South. Leuven/Liège, 2000.
31. Tarekegn K., Shitaye Y., Gafaro T. Does Bonga Sheep Producers' Cooperative Membership Improve Households' Income in Southern Ethiopia? // African Journal of Science, Technology, Innovation and Development. 2021. No. 14. pp. 1253-1264.
32. Golovina S., Hess S., Nilsson J., Wolz A. Networking among Russian Farmers and Their Prospects for Success // Post-Communist Economies. 2019. Vol. 31. No. 4. pp. 484-499.
33. Никитина А. А., Мазитов Ф. Ф., Жилина Е. В. Региональные аспекты потребительской кооперации в Республике Башкортостан: успехи и перспективы развития. Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 2 (44). С. 59-64.

References:

1. Borzaga C., Tallarini G. Social Enterprises and COVID-19: Navigating between Difficulty and Resilience // *Journal of Entrepreneurial and Organizational Diversity*. 2021. № 10 (1). pp. 73-83.
2. Foss, N. J. The Impact of the Covid-19 Pandemic on Firms' Organizational Designs // *Journal of Management Studies*. 2021. № 58. pp. 270-274.
3. Calvo S., Morales A., Zikidis Y. Social and Solidarity Economy/ The World's Economy with a Social Face. New York: Routledge, 2017. 384 p.
4. Quiroz-Niño C., Murga-Menoyo M.Á. Social and Solidarity Economy, Sustainable Development Goals, and Community Development: The Mission of Adult Education Camp and Training // *Sustainability* 2017. № 9. pp. 2164.
5. Galera G., Borzaga C. Social Enterprise: An International Overview of its Conceptual Evolution and Legal Implementation // *Social Enterprise Journal*. 2009. № 5 (3). pp. 210-228.
6. Huybrechts B., Nicholls A. Social Entrepreneurship: Definitions, Drivers and Challenges. In: C. K. Volkmann, K. O. Tokarski, K. Ernst (Eds.). *Social Entrepreneurship and Social Business. An Introduction and Discussion with Case Studies*. Wiesbaden, Germany: Springer, 2012. pp. 31-48
7. Roth S., Valentinov V., Kaivo-oja J., Dana L.-P. Multifunctional Organisation Models // *Journal of Organizational Change Management*. 2018. No. 31 (7). pp. 1383-1400.
8. Deng W. Internal Social Capital and the Life Cycle of Agricultural Cooperatives // *Journal of Evolutionary Economics*. 2021. № 31. pp. 301-323.
9. Baglioni S. A Remedy for All Sins? Introducing a Special Issue on Social Enterprises and Welfare Regimes in Europe // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2017. Vol. 28, No. 6. pp. 2325-2338.
10. Borzaga C., Fazzi L., Galera G. Social Enterprise as a Bottom-up Dynamic: Part 1 (Editorial). The Reaction of Civil society to Unmet Social Needs in Italy, Sweden and Japan // *International Review of Sociology*. 2016. № 26 (1). pp. 1-18.
11. Minard C. S. L. Valuing Entrepreneurship in the Informal Economy in Senegal // *Social Enterprise Journal*. 2009. Vol. 5. № 3. pp. 186-209.
12. Grashuis J. Pricing Strategies of Corporations and Consumer Co-Operatives in the Food Retail Sector: Evidence from England, Sweden, and the Netherlands // *Journal of Co-operative Organization and Management*. 2023. Vol. 11. Issue 1. P. 100204.
13. Cooney K., Nyssens M., O'Shaughnessy M., Defourny J. Public Policies and Work Integration Social Enterprises: The Challenge of Institutionalization in a Neoliberal Era // *Nonprofit Policy Forum*. 2016. Vol. 7, No. 4. pp. 435-460.
14. Thompson S., Valentinov V. The Neglect of Society in the Theory of the Firm: A Systems-Theory Perspective // *Cambridge Journal of Economics*. 2017. No. 41(4). pp. 1061-1085.

15. OECD. Mapping Social and Solidarity Economy Ecosystems Around the World. Understanding the Country Fact Sheets. Источник: <https://www.oecd.org/cfe/leed/social-economy/oecd-global-action/country-fact-sheets.htm> (дата обращения 18.02.2024).
16. Caire G., Tadjudje W. Toward a Global Legal Culture of the SSE Enterprise? An International Comparison of SSE Legislation // RECMA. 2019. №. 353. pp. 74-88.
17. Sacchetti S., Borzaga C., Tortia E. C. The Institutions of Livelihood and Social Enterprise Systems // Forum for Social Economics. 2023. № 52 (3). pp. 282-297.
18. Grashuis. J., Cook M. L. An Examination of New Generation Cooperatives in the Upper Midwest: Successes, Failures, and Limitations // Annals of Public and Cooperative Economics. 2018. Vol. 89 (4). pp. 623-644.
19. Golovina S., Mikolaychik I., Poltarykhin A., Zhuravlev P. The Impact of Human Capital on the Success of an Agricultural Cooperative (example of «Arla Foods») // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Vol. 13. № 2. pp. 262-283.
20. Billiet A., Dufays F., Friedel S., Staessens M. The Resilience of the Cooperative Model: How do Cooperatives Deal with the COVID-19 Crisis? // Strategic Change: Briefings in Entrepreneurial Finance. 2021. Vol. 30 (2). pp. 99-108.
21. CICOPA. Cooperatives and Employment: Second Global Report. Brussels. Belgium, 2017. Источник: <https://ica.coop/en/media/library/cooperatives-and-employment-second-global-report> (дата обращения 18.02.2024).
22. Golovina S. G., Ruchkin A. V. The Role of Cooperatives in the Sustainable Development of Rural Areas // Agrarian Science. 2023. No. 6. P. 131-138.
23. Yanbykh R., Saraikin V., Lerman Z. Cooperative Tradition in Russia: A Revival of Agricultural Service Cooperatives? // Post-Communist Economies. 2019. Vol. 31 (6). pp. 751-771.
24. Defourny J., Nyssens M. Conceptions of Social Enterprise and Social Entrepreneurship in Europe and the United States: Convergences and Divergences // Journal of Social Entrepreneurship. 2010. Vol. 1 (1). pp. 32-53.
25. Rono J. K. The Impact of the Structural Adjustment Programme on the Kenyan Society // Journal of Social Development in Africa. 2002. № 17(1). pp. 81-98.
26. Fafchamps M., La Ferrara E. Self-Help Groups and Mutual Assistance: Evidence from Urban Kenya // Economic Development and Cultural Change. 2012. Vol. 60. No. 4. pp. 707-733.
27. Wanyama F. O., Develtere P., Pollet I. Reinventing the Wheel? African Cooperatives in a Liberalized Economic Environment // Annals of Public and Cooperative Economics. 2009. Vol. 80. No. 3. P. 361-392.
28. Branch D., Cheeseman N. Democratization, Sequencing and State Failure in Africa: Lessons from Kenya // African Affairs. 2007. No. 108 (430). pp. 1-26.
29. Francesconi G. N., Heerink N. Ethiopian Agricultural Cooperatives in an Era of Global Commodity Exchange: Does Organisational Form Matter? // Journal of African Economies. 2010. Vol. 20 (1). pp. 153-177.

30. Defourny J., Develtere P. The Social Economy: The Worldwide Making of a Third Sector, In: Defourny J., Develtere P., Fonteneau B. (eds.) Social Economy: North and South. Leuven/Liège, 2000.
31. Tarekegn K., Shitaye Y., Gafaro T. Does Bonga Sheep Producers' Cooperative Membership Improve Households' Income in Southern Ethiopia? // African Journal of Science, Technology, Innovation and Development. 2021. No. 14. pp. 1253-1264.
32. Golovina S., Hess S., Nilsson J., Wolz A. Networking among Russian Farmers and Their Prospects for Success // Post-Communist Economies. 2019. Vol. 31. No. 4. pp. 484-499.
33. Nikitina A. A., Mazitov F. F., Zhilina E. V. Regional Aspects of Consumer Cooperation in the Republic of Bashkortostan: Successes and Development Prospects. Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2021. No. 2 (44). pp. 59-64.

Сведения об авторах

Головина Светлана Георгиевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ аграрно-экологических проблем и управления сельским хозяйством, ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет», 620075 Свердловская область, город Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42, kkrav84@mail.ru. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1157-8487>

Кузнецова Альфия Рашитовна, доктор экономических наук ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет». 620075 Свердловская область, город Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42, E-mail: alfia_2009@mail.ru, тел. +7 (961) 357-60-07. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0273-4801>.

Головин Кирилл Игоревич, студент 3 курса Института энергетики и автоматизированных систем, ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», 455000, Челябинская область, город Магнитогорск, проспект Ленина, д.38, kirill.golovin.8@mail.ru. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3399-5417>

Author's personal details

Golovina Svetlana Georgievna, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of Agrarian-Environmental Problems and Agricultural Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ural State Agrarian University», 620075 Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, st. Karl Liebknechta, 42, kkrav84@mail.ru. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1157-8487>

Kuznetsova Alfiya Rashitovna, Doctor of Economics of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ural State Agrarian University». 620075 Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, st. Karl Liebknechta, 42. E-mail: alfia_2009@mail.ru, tel. +7 (961) 357-60-07. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0273-4801>

Golovina Kirill Igorevich, 3-rd year student of the Institute of Energy and Automated Systems, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Nosov Magnitogorsk State Technical University», 455000, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Lenin Avenue, 38, kirill.golovin.8@mail.ru. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3399-5417>

© Головина С.Г., Кузнецова А. Р., Головин К.И.